

«солнц») связано с научно-популярным произведением, которое читалась во всей Европе XVIII в. — «Entretiens sur la pluralité des mondes» Фонтенеля.⁷ Благодаря переводу А. Д. Кантемира эта книга (по крайней мере с 1740 г.) способствовала, несмотря на сопротивление Церкви, распространению в России коперниканской картины мира⁸ и также оставила следы в религиозной лирике, например в переложении 106-го псалма А. П. Сумарокова⁹ и в оде М. М. Хераскова «Мир».¹⁰

⁷ Ср.: *Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavrijl Romanovic Derzhavin.* Ненапечатанная канд. диссертация. Bonn, 1953. S. 65 (сноска); *Crone A. L. Derzhavin's «Bog»: the Internalization of Lomonosov's «Bozie velicestvo»* // *Russian Literature.* 1998. V. 44. P. 11.

⁸ Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740. Перевод Кантемира восходит к первой половине 1730-х гг., но был напечатан лишь в 1740 г. Ср.: *Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947. С. 214—235. О датировке см.: *Сорокин Ю. С.* У истоков литературного языка нового типа. (Перевод «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля) // *Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики.* Л., 1982. С. 52—85, здесь с. 61. — Еще в 1756 г. Св. Синод обратился с просьбой к императрице Елизавете, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, под жесточайшим за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную {...} князем Кантемиром {...} указать везде отобрать и прислать в Синод» (цит. по кн.: *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800.* М., 1966. Т. 3. С. 313). Эта просьба не была удовлетворена и в 1761 г. появилось второе издание этой книги в значительном для того времени тираже 1233 экз. (там же, с. 313 и сл.). Третье издание состоялось в 1803 г.; ср.: *Райков Б. Е.* Указ. соч. С. 235.

⁹ *Сумароков А. П.* Полн. собр. сочинений... М., 1781. Ч. 1. С. 163—166. Так же как у Державина, в 11-й строфе этого стихотворения светила предстают неисчислимыми миллионами, но перед Богом они являются лишь песчинкой: «Я свет на свет постановляю, / И миллионы вображаю / Их, в смутной мысли я своей, / Толико ж их взношу над оны / И паки, паки миллионы: / Пешинка то вселенной всей». (Там же. С. 165).

¹⁰ *Херасков М. М.* Мир («Отверзлась мне завеса мира...») // *Утренний свет.* 1778. Ч. 2. Янв. С. 74—76. Так же как Державин, Херасков пользуется здесь формой торжественной оды (но, правда, с другой рифмовкой, вместо *AbAbCCdEEd — AAбCCбDDее*). Бог здесь прославляется как «царь миров», и эти «миры» числятся тысячами: «Отверзлась мне завеса мира! / В восторге дух, трепещет лира! / Молчу, дивлюся и пою. / О коль видения любезны! / Звездами полны вижу бездны; / Над тысячами миров стою; / На небо возвращаю взгляды, / Висят горящая лампады, / Струями разливают свет / Се град, где Царь миров живет!» Строка «Звездами полны вижу бездны» явно восходит к «Вечернему размышлению...» Ломоносова: «Открылась бездна звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» (*Ломоносов М. В.* Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 219).